

13. Хрестоматия по древнерусской литературе. М.: Высш. школа, 1974. – 12 с.

14. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. УДК 4: 8.085

ра: учеб. пособ. для студентов вузов. – М.: Высш. шк., 1999. – 191 с.

ОНТОГЕНЕЗ ВИНДИКТИВНОГО ДИСКУРСА

И.И. Чесноков

Волгоградский государственный педагогический университет

Освещены биологические, психические и социальные истоки виндиктивного дискурса. Описано формирование его стратегий и тактик.

Ключевые слова: онтогенез, виндиктивный дискурс.

ONTOGENESIS OF VINDICTIVE DISCOURSE

I.I. Chesnokov

Abstract. Biological, psychical and social origins of vindictive discourse are enlightened. Formation of its strategies and tactics is described.

Key words: vindictive discourse, revenge, curse.

При выявлении природы того или иного вида социально значимой лингвосемиотической деятельности нельзя не затронуть вопроса о природе самого человека. Этот вопрос на протяжении прошлого столетия считался безнадежно метафизическим и лишенным какого бы то ни было научного смысла.

Сегодня вопрос о природе человека вновь обсуждается учеными и, прежде всего, в связи с технологическими инновациями, способными вызвать те или иные изменения в его сознании и поведении.

Действительно, современная наука вывела на совершенно новый уровень наши знания о человеке, и не только о его биологии, но и его психике, а также социальных и культурных характеристиках человеческого существования в мире. Все эти характеристики достаточно полно обнаруживают себя в языковом сознании и коммуникативном (в том числе и вербальном) поведении *Homo sapiens*. Поэтому лингвокультурология, опирающаяся на синергетику языка, сознания и культуры, занимает свое законное место в ряде наук, увлеченных вопросом о природе человека и стремящихся систематически переосмыслить его в контексте новых научных знаний.

Настоящее лингвокультурологическое исследование виндиктивного дискурса – фрустрационно обусловленной осознанной и целенаправленной агрессивной лингвосемиотической деятельности – опирается на существующий в биосемиотике тезис, согласно которому живой организм познает мир посредством цикла взаимодействий с различными его проявлениями [9]. Чем чаще и интенсивнее взаимодействует организм с определенной реальией, тем интенсивнее вычлняются из этой реалии опознавательные

признаки, и знаки развиваются, прежде всего, в тех взаимодействиях, которые наиболее регулярны и значимы для поддержания жизненного цикла. Для первых людей наиболее регулярными и значимыми в этом смысле являлись ситуации, в которых присутствовала непосредственная, исходящая от природы, животных и особей *Homo sapiens* угроза их существованию [4, 5]. В такого рода ситуациях, как известно, происходит активация общебиологического скрипта, связывающего перцепцию негативного воздействия и ответную виндиктивную реакцию подобием рефлексорной дуги [6].

На психическом уровне организации знания формируется ситуативная эмоционально-когнитивная доминанта, именуемая в русской лингвокультуре словом "мечь" и представляющая собой комплекс чувств–мыслей–побуждений, объединенных общей модальностью ведения борьбы [13, 14]. Частотность жизненных ситуаций, в которых пересекаются интересы особей одного вида, ведущих борьбу за жизненное пространство, обуславливает устойчивый характер названной эмоционально-когнитивной доминанты и предопределяет возникновение процесса ритуализации – устойчивого воспроизводства определенной совокупности жизненно значимых действий с изначальной двунаправленной сигнальной функцией: 1) угроза приближающемуся агрессору и 2) призыв к объединению особей одного вида в замкнутую группу [5]. Подобного рода ритуализованные действия, по мнению этологов, возникают естественным путем, в значительной степени аналогичным эволюции социальных инстинктов у животных [5] и, превращаясь в средство общения между особями одного вида, становятся первичными знаками [10], на базе кото-

рых, в свою очередь, развиваются уже собственно языковые явления [11].

Опираясь на представленную выше интерпретацию семантики ритуализованных действий, можно предположить, что виндиктивный дискурс (во всем многообразии его современных презентаций) восходит к некогда единому сигналу, посылаемому субъектом угрожающему объекту в качестве ответной угрозы и являющемуся одновременно призывом к объединению сородичей в борьбе с врагом. Данный сигнал ставил адресата-сородича перед выбором: либо "становиться в строй" для устранения угрозы и защиты своей территории, либо подвергаться виндиктивному воздействию и оказываться выброшенным за ее пределы. Третьего в ситуации военного типа, как известно, не дано. "Занимающий место в строю" принимал на себя определенные воинские обязанности, чем подтверждал статус своего и, естественно, подвергал себя угрозе наказания со стороны иерархически организованного сообщества за их нарушение. Поэтому клятва как знаково оформленное социальное действие (уже вне наличной ситуации военного противостояния) непременно включает в себя (имплицитно или эксплицитно) идею возмездия за нарушение принимаемых обязательств. Можно сказать и так, что реализующаяся в акте угрозы инвариантная коммуникативно-прагматическая установка – соблюдай границу, иначе тебя постигнет кара – переориентируется дающим клятву на себя и становится структурообразующим элементом данного социального действия.

"...Если же я нарушу эту торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара трудового народа, всеобщая ненависть и презрение трудящихся" [12].

Нарушение клятвы членом данного сообщества, как и игнорирование предостерегающего сигнала угрозы противником, ведет к реализации заложенной в данные вербально-знаковые акты виндиктивной составляющей, которая в наиболее общих чертах сводится к предметно-практическим действиям, направленным на физическое уничтожение, выталкивание за пределы своей территории или поругание (т. е. избиение) агрессора. Осуществление названных действий в состоянии повышенного эмоционального напряжения, вероятно, стимулирует лингвосемиотическую объективацию и передачу объекту виндиктивного воздействия соответствующих им интенций – убить (или нанести вред здоровью), изгнать, унижить. (Вербальными коррелятами названных интенций в современной русской лингвокультуре являются такие идиоматизированные волитивы, как "чтоб ты сдох", "пошел в болото"; а также инвективные акты, связанные с присвоением адресату различных имен с общим признаком "отвергаемое" – "мразь", "сволочь" и мн. др.). Подобного рода деятельность, связанную с вербально-знаковым опредмечиванием и пере-

дачей агрессору виндиктивных интенций, зачастую называют одним словом – проклятье. Такое широкое понимание проклятья представлено, в частности, в словаре В.И. Даля, где оно определяется посредством глагола *проклинать*, *проклясть*, который означает: "црк. предать анафемь, отлучить от церкви; // въ гражд. быту: лишать благоволения; изгонять отъ себя, лишая насльдя и всякаго общенья; // ругать, поносить, призывать на кого бѣдствія, желать кому зла, ненавидѣть" [1]. Близкое к этому определение проклятья встречается и в Малом академическом словаре русского языка, где оно связывается: 1) с крайним, бесповоротным осуждением кого-чегол., знаменующим полный разрыв с кем-чемл., отторжение (от себя, от общества), а также 2) бранным словом, ругательством [8].

Согласно данным дефинициям, проклятье предстает как категориальная (стратегическая) составляющая виндиктивного дискурса, реализующаяся (если использовать современные термины) в речеповеденческих тактиках изгнания, поругания и злопожелания, включающего в себя как навлекающие на противника беду паралингвистические, так и стереотипные речевые действия.

Вместе с этим существует и узкое понимание проклятья, которое в данном случае приравнивается к злопожеланию в указанных выше разновидностях. Так, в словаре славянской мифологии оно определяется как "словесный ритуал, имеющий целью нанести урон определенному адресату" и представляющий собой "пожелание смерти, болезней, бедности, неудачи, раздоров в семье и пр.", которое "может сопровождаться ритуальными актами, например бросанием камней, в том числе и на могилу уже умершего человека" [7].

Как бы сегодня не трактовалось проклятье, оно обнаруживает онтологическую взаимосвязь с центральным элементом ритуала – клятвой. В русской лингвокультуре эта взаимосвязь подтверждается и формально – однокоренными номинантами данных видов лингвосемиотической деятельности, и функционально – возможностью использования (в обыденном общении) переориентированных речевых формул проклятья в значении клятвы.

См.: – *А ты вернешься?*

– *Вернусь.*

– *Поклянись.*

– *Чтоб я сдох.*

Такая возможность, в свою очередь, обусловлена симметрическим строением формируемого ритуалом в сознании людей гештальта границы: каждому элементу добра (или задаваемой обществом и принимаемой индивидом норме поведения) соответствует элемент зла (или кары за ее нарушение). А поскольку проклятье является лингвосемиотической разновидностью кары, то и использование соответствующих ему, но переориентированных речевых формул в зна-

(18)

чении клятвы представляется вполне естественным, поскольку эксплицирует то, что содержится в любой клятве – угрозу возмездия за нарушение устанавливаемых границ деятельности.

Нормы поведения в процессе культурно-исторического развития общества могут меняться, но неизменным остается главный атрибут клятвы – неразрывное единство мысли, слова (знака) и дела, за расторжение которого индивид в конечном счете и подвергается проклятию. Данное обстоятельство обуславливает устойчивый характер гештальта границы, на который впоследствии опираются и индивидуальные клятвопринятия, по своему содержанию не имеющие непосредственного отношения к установленным в обществе юридическим или моральным нормам поведения или даже противоречащие им. Проклятие же по-прежнему остается возмездием (если кара осуществляется от имени группы/сообщества) или мстью (если речь идет о межличностных отношениях) за нарушение покоя и согласия, образованного когда-то единением в ритуальном акте мысли, слова (знака) и дела.

Изложенное выше подводит к выводу о том, что развитие виндиктивного дискурса связано с двумя уровнями противостояния субъекта (общества) угрожающему объекту.

На первом уровне происходит знаковая объективация субъектом (членами сообщества), возникающих в его (их) когнитивном сознании образов устрашающих действий и передача их агрессору с целью изменения его поведения и демаркации нарушенной им границы. На этом уровне вырабатывается стратегия устрашения, воплощающаяся в тактике угрозы.

На втором уровне (после игнорирования сигнала угрозы противником или нарушения клятвы членом данного сообщества) объективированные и переданные агрессору в акте угрозы образы реализуются в конкретных предметно-практических и производных от них лингвосемiotических действиях. На этом уровне складывается стратегия перверсии и соответствующие ей тактики злопожелания (или проклятия в узком смысле этого слова), изгнания и поругания.

Первый и второй уровни противостояния обнаруживают изоморфизм: воображаемым действиям первого соответствуют реальные действия второго. А поскольку первые обусловлены знанием того, как надо вести себя в подобных ситуациях, то можно сказать, что посредством ментально-знаковых презентаций первый и второй уровни относятся друг к другу как предшествующий и последующий опыты участия в ситуациях одного и того же военного типа.

Весь этот опыт, ритуализованный и стандартизированный дискурсивными идиомами, становится неотъемлемой составляющей (арсеналом) любой лингвокультуры, так как в периоды борьбы ее носителей против чужого закона обес-

печивает слаженность их эмоциогенных вебально-знаковых действий по моральному уничтожению противника и поддержанию своего боевого духа. Ведь открытое поругание врага означает одновременно и возвышение над ним агента данного социального действия [2]. А дейктический (или ориентационный) компонент виндиктивного дискурса оказывается исключительно значимым в ситуации военного типа, предполагающей захват высот не только географических, но и морально-волевых. Поэтому ситуации военного типа избилуют текстами, продуктами виндиктивного дискурса с двунаправленной сигнальной функцией: 1) унизить противника и 2) инспирировать соратников. Такая сигнальная двунаправленность со всей очевидностью обнаруживается, к примеру, в письме запорожских казаков турецкому султану. Можно сказать, что все его содержание сводится к поруганию адресата и демонстрации превосходства над ним авторов.

"Чорта брат", "Люциперя секретарь", "Великого и Малого Египта свинарь", "татарский сагайдак", "самого гаспида внук", "свиняча морда", "ризничка собака" – это лишь часть встречающихся в письме инвективных номинантов султана. К ним добавляется декларатив: *"Не будешь ты годен сыниве християнських пид собою мати; твого вийска мы не боимось, землю и волю будем бытця з тобою"*. А также злопожелание: *"...хай бы взяв тебе чорт!"*. Завершается письмо словами: *"Числа не знаем, бо календаря не маем, місяць у неба, год у кнызи, а день такий у нас, як и у вас, поцелуй за це в...аку нас!"* [3].

В ситуации иерархического типа на использование названного опыта налагаются запреты морального или юридического свойства, что заставляет фрустрированную языковую личность обращаться к поиску нетрадиционных носителей виндиктивной информации и порождать косвенные речевые акты. Косвенное поругание, к примеру, может быть представлено рекомендацией обратиться к врачу, изгнание – советом уйти на заслуженный отдых, а проклятие (в узком смысле этого слова) – пожеланием источнику фрустрации иметь зарплату учителя или врача. Косвенность виндиктивного дискурса, основанная на использовании предложений в несвойственных им прагматических функциях, позволяет агенту социального действия опредмечивать свои виндиктивные интенции при формальном соблюдении этических норм общения. Поэтому виндиктивные презентемы так широко представлены в институциональном, прежде всего – публичном общении.

Из последних рассуждений вытекает и следующий вывод о том, что совпадение / расхождение интересов индивида и общества в части права на реализацию себя как карающей силы также существенно влияет на развитие виндиктивного дискурса. Первое (соответствующее си-

туации военного типа) ведет к его ритуализации и стандартизации. Второе (определяющее ситуацию иерархического типа) – к дестандартизации и латентности.

Таким образом, если уровни противостояния субъекта (сообщества) угрожающему объекту "ответственны" за формирование стратегий и тактик виндиктивного дискурса, то ситуации военного и иерархического типа – за его идиоматизацию и косвенную презентацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1980.
2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК "Гнозис", 2002.
3. *Крепкое русское слово.* – М.: Альта-принт, 2005.
4. *Левин-Строс К.* Структурная антропология. – М., 1985.
5. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое "зло"). – М., 1994.
6. *Нойман Э.* Происхождение и развитие сознания. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998.
7. *Словарь славянской мифологии* // <http://www.pagan.ru>.

8. *Словарь русского языка: в 4 т.* – М.: Русский язык, 1981–1984.

9. *Степанов Ю.С.* Семиотика. – М., 1971.

10. *Степанов Ю.С., Проскурин С.Г.* / Логический анализ языка: модели действия. – М., 1992.

11. *Толоров В.Н.* // Архаичный ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 22.

12. Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР. – М., 1975.

13. *Ухтомский А.А.* Доминанта. – СПб., 2002.

14. *Шаховский В.И., Чесноков И.И.* // Языковая личность в дискурсе: полифония структур и культур: матер. междунар. науч.-практ. конф. – М. – Тверь: ИЯ РАН; ТвГУ; ТГСХА, 2005.

15. PCBE Transcripts (March 6, 2003) Session 3 // <http://www.bioethics.gov/>.

УДК 615.851:008:519.76

АНАЛИЗ ПРАГМАТИКИ КОММУНИКАЦИИ: ОТ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ К СЕМИОТИКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРАКЦИЙ

В.А. Митягина

Волгоградский государственный университет

В статье рассматривается возможность использования аксиом коммуникации, предложенных американскими психологами П. Вацлавиком, Д. Бивин и Д. Джексоном в качестве базовых положений семейной коммуникативной терапии, в анализе коммуникации как феномена культуры. Особое значение для интерпретации имеют метакоммуникативный и содержательный параметры интеракций, конвенциональность коммуникации, симметрический и комплементарный способы коммуникации, ее цифровой и аналоговый способ.

Ключевые слова: прагматика, социокультурные взаимодействия.

THE ANALYSIS OF THE COMMUNICATION PRAGMATICS: FROM FAMILY PSYCHOTHERAPY TO THE SEMIOTICS OF THE SOCIOCULTURAL INTERACTIONS

V.A. Mityagina

Abstract. The article provides insight into the use of communication patterns, offered by American psychologists P. Watzlawick, J. Beaven and D. Jackson as family communication therapy principles, in the communication analysis understood as culture's phenomenon. Interactional metacommunicative and informal parameters, conventionality of communication, symmetrical and complementary communication mode, its digital and analogous mode are of special significance for interpretation.

Key words: pragmatics, sociocultural interactions.

Утверждение антропоцентрического подхода в современных гуманитарных исследовательских парадигмах стало причиной широкого использования принципов психологических кон-

цепций в анализе различных аспектов жизни общества. Особое значение эти принципы имеют для изучения коммуникации, которая выступает как культурообразующий и культу-